

М. И. Туган-Барановский

К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений.

- М. "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996. — 528 с.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ (стр. 52 - 72)

(по поводу сборника «Вехи»¹) Социалистические симпатии русской интеллигенции составляют одну из ее наиболее характерных отличительных черт. Можно быть различного мнения относительно глубины и серьезности этих симпатий, но не подлежит сомнению, что в среднем русском интеллигенте не заметно ничего похожего на враждебное отношение к социализму, которое так часто приходится встречать в представителях образованных классов Запада. Русский интеллигент, если он вообще не чужд общественных интересов, обычно более или менее сочувствует, а иногда и фанатически привержен социализму. Это настолько бросается в глаза, что почти не требует доказательств.

Причины полубессознательного тяготения нашей интеллигенции к социализму коренятся очень глубоко в условиях нашего общественного развития. У нас много спорили и спорят об особенностях исторического развития России сравнительно с Западом. Но среди этих особенностей есть, однако, одна, которой нельзя не заметить. Бюхер² схематизировал хозяйственную историю Запада, как последовательную смену трех ступеней хозяйства — замкнутого хозяйства, городского и народного. Под городским хозяйством он понимал хозяйство средневекового города с типичной для него цеховой организацией мелкого промышленного производства — ремесла. Средневековый город, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада — буржуазию. Достигнув экономического преобладания буржуазия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания.

Все это достаточно известно. Не менее известно и то, что историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности — и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекли, как естественное последствие, все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада; благодаря этому в России не могла получить значительного развития и та общественная группа, которая на Западе явилась главным фактором хозяйственного прогресса, — буржуазия...

И, действительно, общественная среда, создавшая русского интеллигента, не имела ничего общего с мелкой буржуазией Запада. Одним из первых русских интеллигентов был Петр, сознавший необходимость усвоения западноевропейского просвещения. Чтобы быть могущественным, государство должно иметь в своем распоряжении образованных людей. Допетровская Русь таковыми не располагала. Отсюда возникает чрезвычайно важная задача для государственной власти — создать кадры образованных людей, которые могли бы нести государеву службу. Служба эта была естественной

¹ Сборник «Вехи» вышел в 1909 году. Инициатором издания был М.О. Гершензон. Сборник был посвящен судьбам России и русской интеллигенции. Во многом содержание сборника соответствовало названию, поскольку стало символом смены отношений русской интеллигенции у революции и социализму.

² Карл Бюхер - 16.02.1847 - 12.11.1930 немецкий экономист, историк народного хозяйства и статистик, представитель исторической школы в политической экономии

повинностью служилого сословия — дворянства. И вот дворянство, под непосредственным давлением правительства, мало-помалу начинает усваивать науку Запада.

Наша интеллигенция первой половины XIX века еще всецело дворянская и чиновничья интеллигенция. Образованные классы русского общества в это время почти совпадают с офицерством и чиновничеством, которыми держалось русское государство. Плата за обучение в средних и высших учебных заведениях была очень невелика; в то же время всякий, получивший образование, легко приобретал доступ к сравнительно хорошо оплачиваемой государственной службе и, достигая посредством чинов дворянства, приобщался к господствующему сословию.

При таком положении дела масса образованного общества должна была сливаться с чиновничеством, и только среди богатого дворянства могли встречаться образованные люди, не несшие государственной службы.

Эта дворянская и чиновничья интеллигенция, жившая или службой государству, или получавшая доходы от труда своих крепостных, не могла не сложиться в совершенно иной культурный тип, чем образованные люди Запада, вышедшие из буржуазных классов и тесно связанные с ними всеми своими интересами. С декабристов начинается сознательная борьба русского общества с русским самодержавием и все растущее оппозиционно-революционное

движение. Его средой было вначале преимущественно богатое дворянство, в котором сосредоточивался к этому времени цвет нашей интеллигенции. Движение декабристов было не совсем чуждо классовой дворянской окраски, но осознанные мотивы его не имели ничего общего с классовыми интересами дворянства. В лице Пестеля оно выставило требование не только политического преобразования Русского государства и отмены крепостного права, но и широкой аграрной реформы на началах права каждого на землю. Трудно сказать, являлась ли земельная реформа Пестеля продуктом его собственного творчества или была заимствована им у современных ему французских и английских социалистов. Во всяком случае, в лице самого выдающегося из декабристов мы впервые видим русского интеллигента с социальными идеалами, приближавшимися к социализму.

Несколько позже социализм уже в своем подлинном виде пускает ростки на русской почве. Кружок Герцена — Огарева³ жадно усваивает учение французского социализма, и социализм начинает в России свою историю, ограничивая сферу своего влияния вплоть до самого новейшего времени почти исключительно интеллигенцией. Широкие народные массы не имеют ничего общего с социалистическими увлечениями небольшой кучки интеллигентов; но зато в этой немногочисленной общественной среде гонимое учение верных адептов, жертвующих всем на алтаре своей социальной веры.

Почему же социализм нашел себе благодарную почву именно среди русской интеллигенции? Русский интеллигент был и остается, как указывал еще Герцен, удивительно свободным в культурном отношении существом. На Западе существовала и существует могучая историческая национальная культура, носителем которой была в новейшее время по преимуществу буржуазия; образованные классы Запада еще недавно тесно примыкали по всем своим интересам к

³Кружок Герцена—Огарёва демократический кружок студентов Московского университета. Сложился осенью 1831 вокруг А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Члены кружка под влиянием Французской революции конца XVIII в. и движения декабристов проповедовали идеи свободы, равенства и братства, конституции и республиканского строя, ненависть ко всякому насилию, необходимость революционного переустройства общества в соответствии с теорией утопического социализма Сен-Симона. Летом 1834 члены кружка были арестованы; Герцен, Лахтин, Оболенский, Огарёв, Сатин высланы из Москвы.

буржуазии. Напротив, русский интеллигент стоял вне влияния буржуазной культуры уже по одному тому, что таковой у нас не было. Что же касается до русской исторической культуры, выразившейся преимущественно в создании огромного деспотического государства, то вражда к этой культуре есть одна из характернейших черт русского интеллигента, восставшего на русское историческое государство, и в течение уже многих поколений ведущего с ним борьбу. Борьба эта, требующая огромного напряжения духовных сил, требует и энтузиазма, и таковой дается только верой в определенный социальный идеал. Что же могло явиться таким идеалом для русского интеллигента? Идеал либерализма уже давно потерял свою действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию. Идеал мощного национального государства не мог находить ни малейшего отклика в душе интеллигента, ведущего с этим самым государством упорную борьбу. Таким образом, только для идеала социализма душа русского интеллигента была открыта.

Будучи культурно совершенно свободен, русский интеллигент, в лице своих руководящих представителей естественно прилепился духом к тому социальному идеалу, который обещает всего более в смысле улучшения условий общественной жизни. Западноевропейцу не приходилось выбирать для себя мировоззрение и социальный идеал; он получил их в готовом виде из окружающей его социальной среды. Напротив, русский интеллигент оторван от своей исторической почвы и потому выбрал себе тот социальный идеал который казался всего более обоснованным с точки зрения оналистической точки зрения. Таким космополитическим, и сверхисторическим идеалом является социалистический идеал.

На Западе линия общественного развития направляется сознательной борьбой классов за свои классовые интересы. Все классы населения принимают участие в политической жизни и стремятся подчинить своим интересам государственную власть. На почве этой борьбы возникает внутри каждого класса сильное чувство классовой солидарности, побуждающее каждого отдельного представителя класса не только за страх, но и за совесть отстаивать интересы своего класса. Каждый класс имеет своих убежденных, искренних идеологов, бескорыстно увлеченных красотой того культурного типа, выразителем которого является данный класс. И это увлечение вполне понятно, так как всякая мощная историческая культура имеет свою особую, специфическую, незаменимую прелесть и красоту, свой собственный аромат.

Вполне понятна психология потомка крестоносцев, погибавшего во Франции в эпоху террора⁴ за монархию и католическую веру. Точно также огромные культурные заслуги буржуазии объясняют идейную преданность буржуазным идеалам среднего западноевропейца. Культурные традиции каждого класса настолько могущественны, что только исключительные личности находят в себе силы их порвать. Совсем иное мы видим в России. Масса общества совсем не жила политической жизнью; господствующие классы не нуждались в борьбе за свои интересы, так как эти интересы достаточно охранялись правительственной властью. Отсюда слабость классовой солидарности. А общий низкий уровень культуры препятствовал идеализации классового типа. Благодаря этому люди господствующих классов русского общества были гораздо менее связаны культурными традициями и интересами своих классов, чем на Западе. На Западе социализм уже давно стал реальной и очень серьезной угрозой интересам господствующих классов. С социализмом ведет борьбу не только западноевропейское

⁴ Эпоха Террора, также известна как «Террор» — период массовых казней в течение одного года и одного месяца после начала Великой французской революции (с 5 сентября 1793 по 27 июля 1794 года. Террор представлял собой период насилия в ходе конфликта между соперничающими политическими группировками (жирондисты и якобинцы), в течение которого якобинцами были осуществлены массовые казни «врагов революции». Количество убитых насчитывалось от 16 000 до 40 000,

государство, но прежде всего само общество в лице руководящих классов. Напротив, в России вплоть до новейшего времени, имущие классы не имели ровно никакого основания опасаться какого-либо реального ущерба своим интересам от социализма, не переходившего за пределы интеллигентской идеологии; не привыкнув к идеологической защите своих интересов, не имея классовой организации и не нуждаясь в ней, они не могли дать никакого духовного отпора идеям социализма, овладевшим умами отдельных представителей дворянской интеллигенции. И потому мы наблюдали в России странное, с западноевропейской точки зрения, зрелище революционного социализма, распространившегося в среде интеллигенции господствующего дворянского класса. Декабристы были первыми такими революционерами из дворянства и даже, по преимуществу, высшего, богатого дворянства. Но они еще были чужды в своей массе социалистических идей. Затем, со времени Герцена и Белинского, социализм становится излюбленным мировоззрением нашей оппозиционной интеллигенции, сохранявшей, вплоть до 60-х годов, дворянско-чиновничий характер.

Однако, пока классовый состав нашей интеллигенции не испытал существенного изменения, социалистическим увлечениям была доступна лишь ничтожная часть наших образованных

людей. Мало-помалу, состав нашей интеллигенции изменяется — в 60-е годы в нее вливается широкой волной «разночинец». «Разночинец», вышедший из среды «народа», испытавший на себе весь гнет нужды и не обладавший никакими наследственными именами и капиталами, становился социалистом без всякой внутренней борьбы с самим собой. И вот, начиная с 60-х годов, социализм становится в России мировоззрением широких групп интеллигенции.

Рецепция социализма интеллигентом-разночинцем произошла с большой легкостью в силу целого ряда благоприятствовавших этому условий. Разночинец вышел из «народа», не терял с ним связи, и потому «народолюбие» являлось такой же его естественной чертой, как «буржуазный дух» западноевропейца. Будучи народолюбив, разночинец в то же время, как человек книжный и не занимающийся хозяйственной деятельностью (учитель, врач, земский служащий, журналист и т.д.), был непрактичен и прямолинеен. Главное же, он был проникнут революционным духом и относился с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которых он чувствовал себя решительным отщепенцем. Так сложился тип русского интеллигента-отщепенца, которого С. Л. Франк в «Вехах» остроумно определяет, как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия»⁵.

«Кучка чуждых миру и презирающих мир монахов,— говорит тот же автор о русских интеллигентах, — объявляет миру войну, чтобы облагодетельствовать его и удовлетворить его земные, материальные нужды. Все одушевление этой монашеской армии направлено на земные, материальные интересы и нужды, на создание земного рая сытости и обеспеченности; все трансцендентное, потустороннее и подлинно религиозное, всякая вера в абсолютные ценности есть для нее прямой и ненавистный враг»⁶.

В этом есть несомненная доля истины конечно, русский интеллигент-социалист борется за земные, здешние, а не потусторонние блага; конечно, его религиозное воодушевление питается

не трансцендентными мотивами. Напрасно только С. Л. Франк говорит о «насильственном» облагодетельствовании мира — огромное большинство человечества отнюдь не считает удовлетворение «земных, материальных нужд» такой ничтожной и пустой вещью, как наш идеалистический философ. Поэтому, стремясь сделать людей сытыми, социалисты-интеллигенты находятся в полном согласии с пожеланиями большинства и, значит, в насилии над ним не нуждаются.

⁵ Франк С.Л. Этика нигилизма//Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции М., 1909. С. 175.

⁶ Там же С. 176 -

